Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 156–165
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 156–165

БОРИС ПИЛЬНЯК И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН: О ПРЕДЕЛАХ СТИЛИЗАЦИИ ЖАНРА

Г.С. Прохоров

Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия; hoshea.prokhorov@gmail.com

Аннотация: Производственная тематика пронизывает творчество Бориса Пильняка, однако системное сопоставление произведений этого автора с развившимся в раннем СССР жанром производственного романа до сих пор не осуществлено. Цель настоящей статьи — рассмотреть принципы поэтики романа «Созревание плодов» (1936) на фоне жанровых паттернов производственного романа. Мы показываем, что роман Пильняка фундаментально отличается от образцов жанра в плане идеологии, хотя сопоставим с ними в принципах сюжетосложения, отборе ситуаций, коллизий и событий, изображении героев. Прежде всего в «Созревании плодов» отсутствует отношение нарратора и других персонажей к герою-пролетарию как к носителю образцовых точек зрения и ценностей, которые можно лишь принять и разделить. Наоборот, герой-пролетарий изображен зачастую в ироническом свете. Он предстает человеком хорошим, но лишенным культуры, к получению которой совершенно не стремится. Его кругозор обрублен верностью идеологии. В своем романе Пильняк усовершенствование человека и общества связывает не с Революцией и борьбой за радикальное обновление, а с независимым течением потока истории и жизни. Пильняк заимствует из производственного романа отдельные узнаваемые элементы, которые вводит в «Созревание плодов». В результате художественного эксперимента рождается стилизация, в которой фундаментальные грани установлены в рамках модернистской парадигмы. Взаимодействие с влиятельным советским жанром оказывается продуктивным, но кроме того, оно подчеркивает справедливость мысли М.М. Бахтина, что центром любого жанра служит тема, а не формальные характеристики.

Ключевые слова: Борис Пильняк; «Созревание плодов»; производственный роман; стилизация жанра; промышленный прогресс vs преображение человека; тема и идеология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-13

Для цитирования: *Прохоров Г.С.* Борис Пильняк и производственный роман: о пределах стилизации жанра // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 156–165.

© Прохоров Г.С., 2026

BORIS PILNYAK AND THE SOVIET INDUSTRIAL NOVEL: ON LIMITS OF STYLIZATION OF A GENRE

George S. Prokhorov

State University of Social Studies and the Humanities, Kolomna, Russia; hoshea.prokhorov@gmail.com

Abstract: The works of Boris Pilnyak (1894–1938), a prominent figure in early Soviet literature, showcase a diverse array of industrial themes. However, the relationship between his novels and the conventions of the Soviet industrial novel has not been thoroughly examined. This article analyzes *A Fruit Ripening* (1936) to compare its poetics with the defining characteristics of the genre. While the narrative and character ensemble align *A Fruit Ripening* with industrial novels, the ideological stance of Pilnyak's work diverges significantly from typical representations. Neither the narrator nor the other characters of the novel regard Yakov Lukich Sinitsyn, a worker, as a bearer of *higher* values and perspectives which must be universally accepted. In fact, the portrayal of the worker often carries an ironic undertone. Furthermore, Pilnyak does not associate social or personal progress with the Revolution and the struggle for radical transformation; rather, he sees a brighter future coming independently just from a stream of history and life. Pilnyak creates his *A Fruit Ripening* as a stylization of an industrial novel, thus, he incorporates recognizable elements from the genre while being ideologically and thematically rooted in a modernist framework. This stylization underscores Mikhail Bakhtin's vision that the essence of any genre lies in its thematic issues and ideological underpinnings, rather than merely in its formal characteristics.

Keywords: Boris Pilnyak; *A Fruit Ripening*; industrial novel; stylization of a genre; industrial vs. human progress; ideology and the genre

For citation: Prokhorov G.S. (2026) Boris Pilnyak and the Soviet Industrial Novel: On Limits of Genre Stylization. *Lomonosov Philology Journal,* no. 5, pp. 156–165.

После революции 1917 г. в России развивается жанр производственного романа. Его «внутренняя мера» (Н.Д. Тамарченко) включает особого героя — преобразователя действительности [Гаганова 2020б: 23–24; Гаганова 2020а: 31; Никонова 2020: 45], общую сюжетную ситуацию — советский человек ударным трудом и научными знаниями порождает «рукотворное чудо» [Гаганова 2020а: 30]. В 1920–1930-е гг. жанр обладает массовостью [см. Земскова 2016: 231–233].

Промышленная тематика характерна для произведений Бориса Пильняка. «Машины и волки», «Волга впадает в Каспийское море», «Мясо» (последний, созданный в соавторстве с А.Р. Беляевым роман) содержат образы заводов и фабрик, где обитает обновленный Революцией человек. Аналогичная топика пронизывает путевые очер-

ки — «Корни японского солнца» или «Таджикистан — седьмая советская» [Пильняк 2004: 18, ср.: 98–100; Пильняк 1931: 59]. Советская власть пришла в Таджикистан, и там, где все подчинялось религиозным нормам, вдруг появляется современная промышленность. Она трансформирует регион: экономически — разработка полезных ископаемых дает импульс для развития народного хозяйства; политически — на авансцену выходят не связанные с локальной аристократией люди; социально — промышленная трансформация вытесняет тысячелетние традиции [ср. Мироненко 2017: 15–18].

Парадокс: Пильняк не назывался среди авторов производственных романов, хотя тема *Пильняк и Революция* широко дебатировалась прижизненной критикой [Гофман 1928: 7; Горбачев 1928: 67–70] и в целом Пильняк рассматривался как советский писатель [Троцкий 2023: 47], причем видное место Пильняка среди литераторов 1920–1930-х гг. не оспаривалось. Как автора производственных романов Пильняка начнут обсуждать лишь в 2000-х гг. [Халва 2011: 44; Трофимов 2007: 154–155], впрочем, без анализа степени соответствия его произведений жанру. Насколько романы Пильняка соответствуют модели?

Роман «Созревание плодов» (1936) открывается повествованием о производстве газеты. Процесс, потенциально творческий, описан как технологический: «За окном на тесном дворе зисы разгружались рулонами свежей бумаги и грузились газетными тюками. Свежая бумага привозилась с вокзалов, газетные тюки шли на вокзалы — семь вагонов бумаги и полторы тысячи килограммов типографской краски в дневном выпуске газеты» [Пильняк 1994: 39]. Многочисленные «бумага привозилась» и «тюки шли» подчеркивают механизированную сущность производства, в центре которого — труд рабочих: «...у ротационок работали рабочие-металлисты так же, как они работали б около фрезеров и штамповальных машин в любом холодном цехе машиностроительного завода, — в стереотипном цехе работали литейщики, как они работали б в любом горячем цехе металлургического завода» [Пильняк 1994: 41–42]. Издательство — разновидность завода. Оно состоит из цехов, их назначение — выпуск конечной продукции [Пильняк 1994: 40].

Ротационные машины и прочие станки создают материальный носитель издания. А как же корреспонденты, редакторы, корректоры, порождающие смыслы и тексты? Редакция — просто еще один цех. Автор не отделяет творчество журналистов от труда технических сотрудников. «Номер на завтра принимал свои формы. Отделы получали свои количества строчек и темы. Подвалы извлекались из запаса. Сотрудники расходились по кабинетам приводить темы и строчки в порядок. Иные садились писать. Иные диктовали. Иные

рылись в письменных столах. Телеграф и телефон продолжали приносить события Японии, Америки, Днепропетровска, острова Колгуева, съезда геологов в Мурманске…» [Пильняк 1994: 43]. Журналисты работают так же мерно, планово, как и рабочие типографских цехов. Труд журналистов так же продиктован внешней необходимостью, ограничениями — нормами выработки, сроками. Как рабочий обрабатывает и трансформирует материю, так и журналист — идеологию и жизнь страны. Рабочий использует станки и всевозможные машины, журналист — телеграф, телефон, перо, чернила. Издательство, как его рисует в «Созревании плодов» Пильняк, органически объединяет журналиста и технического сотрудника. Оба в равной мере вложились в общее дело; вышедшая в свет газета — производная их совместных усилий. Ни у кого нет права на конечный продукт. Роман не просто демонстрирует равенство физического и интеллектуального труда в коллективном деле, он констатирует процесс формирования коллективной собственности, о которой некогда писал еще Прудон: «В силу того что человеческий труд неизбежно является результатом коллективной силы, всякая собственность, и по той же причине, должна быть коллективной и нераздельной; иными словами, труд уничтожает собственность» [Прудон 1998: 200]. (Идея о нераздельно коллективной собственности, порожденной коллективной природой труда рабочих, быть может, единственное из высказанного Прудоном, что не вызывало отторжения ни у Маркса, ни у Ленина.)

Заводской характер предоставляет газете стандартное для любого индустриального производства преимущество — максимальное масштабирование итоговой продукции, так что «…в тысяче километров от Москвы, в одинаковой мере на Востоке иль Западе, на Севере иль Юго-Востоке, двое сидели в полуметровом расстоянии от лошадиного хвоста. <...>. Предколхоза открыл газету. <...> Его глаза сделались и веселыми и испуганными одновременно, никак не утомленными.

— О нас! — о нас написано?! — сказал он и испуганно и радостно» [Пильняк 1994: 44].

Став заводом, газета обрела способность достичь любого уголка мира, пронизать его новостным потоком, оказать влияние.

В описании жизни издательства Пильняк предстает вполне советским автором: мысль об индустриализированном, промышленном литературном труде витала в воздухе: «вся безымянная газетная масса, от рабкора до центрового передовика — это коллективный Толстой наших дней» [Третьяков 2000: 33].

Пильняка и канонические образцы жанра производственного романа различает идеология — разница в понимании природы

Революции, рабочего движения, смысла и назначения индустриального мира [ср. Троцкий 2023: 70]. Пильняк не воплощает ведущую и направляющую роль рабочего, не принимает мировоззрение пролетариата как обязательную для всех и каждого камертонную ноту ля.

Главный герой «Созревания плодов» — журналист газеты «Известия» Сергей Иванович Арбеков — едет в Иваново-Вознесенские земли, где собирается провести отпуск с семьей и собрать впечатления к будущему роману. Регион интересует его как родина первого Совета [Пильняк 1994: 309–310, ср. 262–265], впрочем, он желает «видеть всю область» [Пильняк 1994: 248], в том числе и монастыри, затерявшиеся в лесах «старейших русских Володимирско-Суздальских земель» [Пильняк 1994: 248]. Арбеков едет наблюдать за напластованием отживающего старого и рождающегося нового, за совершающимся преображением мира. Вместе с Арбековым путешествуют Яков Андреевич Синицын и Павел Павлович Калашников. Первый — рабочий, автомобилист, истинный пролетарий. Второй — реставратор, для которого еще не кончилась древняя Русь. Примечательны отношения внутри трио. Арбекова и Синицына связывает дружба. Привлекает Синицын и как взращенный Революцией человек [Пильняк 1994: 260]. Однако точка зрения Синицына не предстает для Арбекова последней истиной. Образ пронизан иронией: «Яков Андреевич подержал в руках череп [Андрея Боголюбского], взвешивая его, положил на место и молвил, обращаясь к Арбекову: “А как вы думаете, Сергей Иванович, мы бы с одним нашим автомобилем — завоевали бы все боголюбское царство? — я бы взялся”» [Пильняк 1994: 254–255]. Энтузиазм и решительность заметны и похвальны. Сценография же отсылает к известному эпизоду «Гамлета», чего лишь Яков Андреевич не ощущает, поскольку безразличен к древностям и невежественен, а кругозор ограничен верностью рабочему классу и коммунистической идеологии. Что не ведет к коммунизму, то и ценности для героя не представляет: «Заедем в Углич, обследуем, как его там затапливают» [Пильняк 1994: 452], — он предлагает Арбекову в финале. Яков Андреевич не замечает узости своего кругозора. Уверенный в собственной эталонности, он постоянно «задирает» менее идеологически выдержанных героев, например реставратора Калашникова. В отличие от Синицына, реставратор Калашников не близок Арбекову в человеческом плане. Указания на анахроничность и чудаковатость пронизывают этот образ: «Он заговорил языком семнадцатого века. Было совершенно ясно — знаток, человек призвания, — Алеша, что ли, Карамазов? — и это в тридцать пятом году…» [Пильняк 1994: 251]. Однако Арбеков и Калашников сближены мировоззрением — чувством

истории как непрерывного и всеобъединяющего потока: «В туманах растворялась поэзия. Туманы — русалочьи косы — напоминали о русском дохристианском фольклоре. <...>. Костры сказывали о владимирских преданиях. Павел Павлович узревал за кострами, в костровом дыме, русалок, о чем и говорил. У одного из костров остановились охладить машину и поесть. *И слушали историю царя Ивана*» [Пильняк 1994: 252–253]. Машина предстает обществом в миниатюре, а писатель Арбеков еще по пути в Иваново-Вознесенские земли окружен в лице Синицына и Калашникова прошлым и будущим. Впрочем, ход сюжета скорее развенчивает справедливость взгляда на мир в духе «оси истории» К. Ясперса.

Палех — сюжетный центр романа [Трофимов 2007: 155]; локус, в котором не замещаются, а сливаются древность и современность, работники физического труда и художники. Вопреки ожиданию, Арбеков обнаруживает не умирающий маленький и косный провинциальный городок, а сообщество, успешно входящее в советскую реальность. В голодном и холодном 1922 г. обитатели, действительно, «...затруднялись решить, что лучше — искусство или валянье валенок» [Пильняк 1994: 121], только валяние валенок, как открывается Арбекову, — отнюдь не отказ от искусства. Артельщики не разделяют искусство и ремесло, понимая под искусством мастерство, добытое упорным трудом и приносящее окружающим пользу [Пильняк 1994: 121, ср.: 157]. Искони артель богомазов жила поиском и выражением прекрасного в жизни, а не пропагандой религиозности или службой господствующим классам. На протяжении веков понимание прекрасного было связано с религией. Революция отказалась от такого понимания красоты и прервала исторически сложившуюся направленность артели. Однако Революция не отменила потребность людей в красоте. Эта продолжающаяся потребность связывает эпоху после и до Революции: «Неужели мы, со своими кисточками и красками, не можем быть полезными для трудовой власти?» — и послереволюционный Палех осваивает новую, более созвучную эпохе продукцию, которая в то же время продолжает ремесло и традиции артели: «Заслуженный деятель искусства Котухин написал заседание сельсовета экспозициями тайной вечери…» [Пильняк 1994: 318]. В Палехе Арбеков осознает, что советская власть и первый большевистский совет родились из народного духа; что самые передовые московские «ноу-хау» (то же промышленное газетное издательство) продолжают традиционную русскую артель [ср. Пильняк 1994: 252–253].

Советский производственный роман сплавляет романтические и реалистические установки, изображает предельный по напряжению и героизму порыв героев к светлому будущему, к высокой, но

посюсторонней цели [Добренко 1992: 24–26]. Вопреки модели, Пильняк не выражает взаимосвязь технического, политического и общественного прогресса. В «Созревании плодов» мы скорее видим, как меняются детали общественной жизни, но в целом человек и община пребывают неизменными. Революция у Пильняка — не решительный бой во имя будущего, а течение истории, реконфигурация закостенелых форм. Росписи Палеха и газета «Известия», советская журналистика и традиционная иконопись предстают явлениями одного порядка, ибо они результат труда рабочего — рабочего древности и современности. Фокусировка отделяет Пильняка от жанровых установок производственного романа. Отделяет и тон, который в романе «Созревание плодов» отчетливо пасторален. (Неслучайно общее восприятие критиками 1920–1930-х гг. Пильняка как «мужиковствующего» писателя: [Троцкий 2023: 72; Воронский 1928: 408]). В результате производственный роман Пильняка изображает Революцию весьма «еретически». Она, конечно, дверь в «золотой век», но через возвращение к естественному, искаженному «петровским периодом» потоку истории (о напластовании в романе сцен из разных времен — см.: [Трофимов 2007: 158–161]). По мысли А.К. Воронского, Революция ценна для Пильняка, ибо «[п]ришибленный, веками увечимый раб с Октябрем встал в рост, человеком, и отсюда его гордость, его национальное сознание, его патриотизм…» [Воронский 1928: 416]. В то время как для идеологов раннего СССР «…пролетарская революция может быть технически и культурно завершена и оправдана только через электрификацию, а не через возвращение к лучине, через материалистическую философию действенного оптимизма, а никак не через лесные суеверия и застойный фатализм» [Троцкий 2023: 72].

Промышленная тематика занимает прочное место в художественном мире Пильняка. Равным образом его произведения локализованы в постреволюционном мире, причем принадлежность к данной эпохе значима для автора. Однако производственные романы Пильняка — стилизации советского жанра. В них присутствуют наиболее узнаваемые элементы производственного романа, но не реализована его идеология. Стилизация Пильняка скорее продолжает свойственную модернизму увлеченность технологиями и экспериментом. Собственно, Пильняк и проделывает эксперимент: он берет популярный и продуктивный жанр, который получает обработку в сторону от канонических требований [ср. Магомедова 2018: 121–125]. Сюжетных параллелей и набора героев явно недостаточно для образования производственного романа, что заставляет вспомнить мысль М.М. Бахтина о первичной тематичности жанра. Кроме того, идеологическое отличие стилизаций Пильняка от норм жанра при-

вело к резко негативным оценкам советских литературных критиков, увидевших в романах Пильняка искажающую реальность диверсию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронский А.К.* Литературные портреты: в 2 т. Т. 1. М., 1928.
2. *Гаганова А.А.* Лейтмотив канонического текста советского производственного романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020а. Т. 13. № 6. С. 29–36.
3. *Гаганова А.А.* Типология образа героя производственного романа 1920–1970-х гг. на материале русской литературы советского периода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020б. Т. 13. № 2. С. 18–24.
4. *Горбачев Г.* Творческие пути Пильняка // Борис Пильняк. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 45–74.
5. *Гофман В.* Место Пильняка // Борис Пильняк. Статьи и материалы. Л., 1928. С. 5–44.
6. *Добренко Е.* «Правда жизни» как формула реальности // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 4–26.
7. *Земскова Д.Д.* Советский производственный роман: Эволюция и художественные особенности жанра: Дисс. … к. филол. н. М., 2016.
8. *Магомедова Д.М.* Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX — начала XX в.: (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. № 2(45). С. 118–127.
9. *Мироненко С.Н.* Очерк попутчика: Борис Пильняк, факты и мифы советизирующегося Таджикистана // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 1 (37). С. 13–19.
10. *Никонова Т.А.* «Производственный» роман 1930-х годов в поисках «новой» художественности // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 44–48.
11. *Пильняк Б.А.* Корни японского солнца. М., 2004.
12. *Пильняк Б.А.* Созревание плодов // Пильняк Б.А. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 242–452.
13. *Пильняк Б.А.* Таджикистан — седьмая советская. Очерки: материалы к роману. Л., 1931.
14. *Прудон П.Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998.
15. *Третьяков С.* Новый Лев Толстой // Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000. С. 29–33.
16. *Трофимов И.В.* Палех в романе Б. Пильняка «Созревание плодов» // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 5. Коломна, 2007. С. 154–163.
17. *Троцкий Л.Д.* Литература и Революция. М., 2023.
18. *Халва Х.* Адам и Ева в башенном саду: Повторение или обещание // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 6. Коломна, 2011. С. 40–47.

REFERENCES

1. Voronskii A.K. *Literaturnye portrety: v* 2 *t.* [Literary portrayals: in 2 vols]. Vol. 1, Moscow, *Federatsiya Publ.,* 1928, 471 p. (In Russ.)

2. Gaganova A.A. Leitmotiv kanonicheskogo teksta sovetskogo proizvodstvennogo romana [Canonical text leitmotif of the Soviet industrial novel]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, № 6, p. 29–36. (In Russ.)
3. Gaganova A.A. Tipologiya obraza geroya proizvodstvennogo romana 1920-1970-kh gg. na materiale russkoi literatury sovetskogo perioda [Typology of protagonists' images in the industrial novel of the 1920–1970s based on the material of the Russian literature of the Soviet period]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020, vol. 13. № 2, p. 18–24. (In Russ.)
4. Gorbachev G. Tvorcheskie puti Pil'nyaka [Boris Pilnyak's progress]. *Boris Pil'nyak. Stat'i i materialy* [Boris Pilnyak. Research and sources]. Leningrad, *Academia Publ.,* 1928, p. 45–74. (In Russ.)
5. Gofman V. Mesto Pil'nyaka [Pilnyak in the Russian literature]. *Boris Pil'nyak. Stat'i i materialy* [Boris Pilnyak. Research and sources]. Leningrad, *Academia Publ.,* 1928, p. 5–44. (In Russ.)
6. Dobrenko E. «Pravda zhizni» kak formula real'nosti [«Truth of life» as a set form of the reality]. *Voprosy literatury.* 1992, № 1, p. 4–26. (In Russ.)
7. Zemskova D.D. *Sovetskii proizvodstvennyi roman: Evolyutsiya i khudozhestvennye osobennosti zhanra: Diss. … k. filol. n* [The Soviet industrial novel: Development and poetics of the genre. PhD Thesis]. Moscow, *MSU Publ.,* 2016, 247 p. (In Russ.)
8. Magomedova D.M. Perepisyvanie syuzheta o «novykh lyudyakh» v russkoi proze kontsa XIX — nachala XX v.: (V.V. Veresaev i Z.N. Gippius) [Rewriting of the plot about the «New People» in Russian literature at the turn of the 20th century (V.V. Veresayev and Z.N. Gipius)]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2018, № 2(45), p. 118–127. (In Russ.)
9. Mironenko S.N. Ocherk poputchika: Boris Pil'nyak, fakty i mify sovetiziruyushchegosya Tadzhikistana [A co-traveler's essay: Boris Pilnyak, facts & myths of sovietizing Tajikistan]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, № 1(37), p. 13–19. (In Russ.)
10. Nikonova T.A. «Proizvodstvennyi» roman 1930-kh godov v poiskakh «novoi» khudozhestvennosti [«Production» novel of the 1930s in search of «new» artistry]. *Vestnik VGU. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2020, № 3, p. 44–48. (In Russ.)
11. Pil'nyak B.A. *Korni yaponskogo solntsa* [The roots of the Japanese sun]. Moscow, *Tri kvadrata Publ.,* 2004, 330 p. (In Russ.)
12. Pil'nyak B.A. Sozrevanie plodov [A Fruit Ripening]. Pil'nyak B.A. *Sochineniya: v* 3 *t.* [Works in 3 vols]. Vol. 2, Moscow, *Lada M Publ*., 1994, p. 242–452. (In Russ.)
13. Pil'nyak B.A. *Tadzhikistan — sed'maya sovetskaya. Ocherki: materialy k romanu* [Tajikistan, the Seventh Soviet Republic. Sketches to the novel]. Leningrad, *Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ.,* 1931, 120 p. (In Russ.)
14. Proudhon P.J. *Chto takoe sobstvennost'? ili Issledovanie o printsipe prava i vlasti; Bednost' kak ekonomicheskii printsip; Pornokratiya, ili Zhenshchiny v nastoyashchee vremya* [What Is Property? Or an inquiry into the principle of right and might; Poverty as an economic principle; The Pornocracy or the women in modern times]. Moscow, *Respublika Publ.,* 1998, 367 p. (In Russ.)
15. Tret'yakov S. Novyi Lev Tolstoi []. *Literatura fakta: pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa* [The literature of fact: First collection of articles of the LEF workers]. Moscow, *Zakharov Publ.,* 2000, p. 29–33. (In Russ.)
16. Trofimov I.V. Palekh v romane B. Pil'nyaka «Sozrevanie plodov» [Palekh in Boris Pilnyak's novel *A Fruit Ripening*]. *B.A. Pil'nyak. Issledovaniya i materialy* [Boris Pilnyak: Research and sources], vol. 5. Kolomna, *MGOSGI Publ.,* 2007, p. 154–163. (In Russ.)

17. Trotsky L.D. *Literatura i Revolyutsiya* [Literature and revolution]. Moscow, *AST Publ.,* 2023. 512 p. (In Russ.)
18. Khalva H. Adam i Eva v bashennom sadu: Povtorenie ili obeshchanie [Adam and Eve in garden packed with building cranes: Repetition or renewal]. *B.A. Pil'nyak. Issledovaniya i materialy* [Boris Pilnyak: Research and sources]. Vol. 6, Kolomna, *MGOSGI Publ.,* 2011, p. 40–47. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.08.2025
Принята к публикации 16.06.2026
Отредактирована 01.08.2026

Received 17.08.2025
Accepted 16.06.2026
Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Георгий Сергеевич Прохоров — д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка и литературы филологического факультета Государственного социально-гуманитарного университета; hoshea.prokhorov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

George S. Prokhorov — Prof. Dr., Department of Russian Language and Literatures, State University of Social Studies and Humanities; hoshea.prokhorov@gmail.com